

РЕШЕТНИКОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

*д.пс.н, канд. мед. наук, профессор,
ректор Восточно-Европейского института психоанализа, Санкт-Петербург*

«ПАРАНОИЯ В ЭПОХУ МАСС-МЕДИА» – РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

АННОТАЦИЯ. В статье с позиций клинической психологии анализируются актуальные проблемы современного общества и формулируется гипотеза, что социальная патология может развиваться по тем же основаниям, что и индивидуальная. Особое внимание уделяется понятиям “избранная травма”, “травмированные сообщества” и трансляции криминального и полукриминального опыта на последующие поколения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: паранойя, понимающая психология, психическая травма, травмированные сообщества, социальные и цивилизационные процессы.

В середине 90-х я был приглашен для работы в составе миссии Фонда президента США Дж. Картера по урегулированию российско-эстонского конфликта в Нарве. Именно тогда мой коллега и друг – известный американский психиатр и психоаналитик профессор Вамик Волкан, огорченный непримиримой позицией сторон, как-то сказал мне, что «все межнациональные конфликты развиваются по сценарию паранойи». Эта фраза каким-то образом «засела» во мне, но все не удавалось ее осмыслить и додумать, впрочем, как и отыскать ее развитие в работах В.Волкана. Тем не менее, исходно эта идея принадлежит ему.

Поскольку этот доклад адресован специалистам, здесь нет необходимости излагать клинику паранойи, потому лишь напомним уважаемым коллегам некоторые значимые аспекты этой клиники, а именно те, которые могут иметь проекции на межнациональные конфликты. Излагаемые ниже подходы неоднократно представлялись на различных конференциях, но в кратком варианте они предлагаются впервые, и впервые акцентируется специфика российских этнических проблем и конфликтов.

Паранойя. Как известно, паранойя относится к моносимптоматическим психическим расстройствам. Характерно, что ложные мысли и идеи пациента имеют обыденное содержание, то есть чаще всего отражают ситуации, встречающиеся в реальной жизни: пациент считает, что его преследуют, обманывают, изменяют ему, пытаются унижить, подчеркнуть его неполноценность, отравить или заразить чем-либо или даже уничтожить.

Вне этого «узко сфокусированного» интеллектуального расстройства у пациента обычно нет

никаких нарушений поведения, странностей или причудливостей, и нередко они демонстрируют весьма высокие социальные достижения. В настоящее время общепризнано, что основные причины бредовых расстройств относятся к психосоциальным, а главными провоцирующими моментами являются: психические травмы, особенно – случаи унижения, физического или психического насилия в далеком прошлом, жестокость и отсутствие заботы со стороны родителей, их чрезмерная требовательность к ребенку или ориентация его на непосильные достижения.

В результате нормальное чувство базисного доверия не формируется, и такая личность оказывается исходно ориентированной на ощущение враждебности ближайшего окружения или всего мира. Но в большинстве случаев выраженной патологии выявляются «особо опасные» лица или «специфические» для данного пациента группы лиц или зоны отношений, в том числе (как частный вариант) те или иные представители властных структур, социальных или этнических групп.

Немного истории. Современная клиника паранойи существенно схематизировалась, и многие исходные полутона этого расстройства почти утрачены. А они представляются достаточно существенными. Напомню, что уже в XIX веке считалось установленным, что паранойя обычно развивается постепенно, «совершенно так же, как у других людей складывается их нормальный характер», и возникает и проявляется как итог завершения психического развития конкретной личности. У таких пациентов, как писал один из основателей научной психиатрии Э.Крепелин, формируется «склонность оценивать и толковать жизненные опыты более или менее произвольным

образом, с чисто личной точки зрения, приводить их в связь с собственными желаниями и опасениями», при этом «религиозные направления мыслей ведут ... к убеждению в избранности Богом, соединяющемуся со склонностью публично проповедовать и искать последователей, что довольно часто и удается».

Здесь Крепелин одним из первых сообщает о передаче патологических психических установок и расстройств от одной личности к другой, именуя это «индуцированным помешательством», что вообще чаще всего случается при паранойе. При этом сомнения и предположения постепенно превращаются в уверенность и затем в непоколебимое убеждение. Легко представить – какие возможности предоставляет для этого эпоха масс-медиа. Дополним, что психическое заражение у психологически травмированных людей или социальных групп реализуется чрезвычайно легко, как это было недавно продемонстрировано в случае приступов удушья «от отравления неизвестным газом» у девочек в одной из кавказских школ.

Описание случаев. Описание случаев паранойи составляет один из самых трагических и самых впечатляющих разделов психиатрии, который в настоящее время многократно тиражирован в кинематографе (и это симптоматично). Но поскольку это все-таки не история психиатрии, здесь уместно обратиться только к результатам изучения некоторых классических случаев (Рольфинка, Вагнера и Шребера, которые описали Крепелин, Блейлер и Фрейд). Во всех этих случаях (как и в прошлом большинства других пациентов) легко обнаруживаются идеи преследования, несправедливости, социального унижения с последующей трансформацией в поиски правды, мести и возмездия, реализуемые в том числе в виде серийных убийств (ни в чем не повинных людей при полном отсутствии чувства вины и раскаяния, а нередко – и страха наказания за свои злодеяния), а также идеи мессианства, жертвенности, мученичества и смерти во имя искупления, как способ приближения к Богу. Это об индивидуальных случаях. А что о групповом поведении?

Социальная патология. В работе «Массовая психология и анализ человеческого “Я”» Фрейд высказывает революционную, по сути, идею о необоснованности противопоставления индивидуальных и массовых психических феноменов и подчеркивает, что в этом противопоставлении «...многое из своей остроты при ближайшем

рассмотрении теряет», в силу чего психология отдельной личности «...с самого начала является одновременно также и психологией социальной...». Одновременно Фрейд дополняет этот вывод тезисом о необходимости учета культурно-исторических аспектов, так как массовая психология должна рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, сословия, институции...», и особо подчеркивает, что «в отличие от отдельного индивида, масса (народ, племя) всегда более «импульсивна, изменчива и возбудима... Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения... Она [масса] чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного»... Таким образом, в групповом поведении мы обнаруживаем те же самые феномены, что и в индивидуальной жизни, но одновременно появляется и особый феномен – феномен всемогущества. Последний безусловный социальный феномен, с одной стороны, является результатом, а с другой – стимулом любого «массообразования», начиная от мелких («дворовых») группировок до крупнейших (включая международные) сообществ, которые могут преследовать как позитивные, так и негативные (вплоть до сугубо деструктивных) цели.

Содержание гипотезы. Мне нечего здесь дополнить, а все предлагаемое мной новое – заключается только в попытке распространить эту идею не только на психологию масс, но и на патологию масс, а также (с учетом предыдущего раздела), сформулировать представление, что при наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с (национальным) унижением, через какой-то достаточно длительный период могут «вызреть» те или иные ложные идеи (или идеи отношения), которые, при наличии сопутствующих условий (дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов), затем превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей правоте, избранности Богом, а также – в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая мессианская роль может приобретать самые жестокие формы реализации.

Я понимаю, что это слишком уязвимое предположение (особенно в тезисном изложении его обоснования), и уверен в том, что оно будет подвергнуто самой беспощадной критике, тем более, что в нем легко угадывается конкретная феноменология (причем угадывается только одно-сторонне, и ниже будет понятно – почему). Но я бы взял смелость распространить это предположение не только на все некогда гонимые, колониальные или полуколониальные народы, которым затем была дарована свобода, возможность вернуться на свою историческую родину и очень скоро ощутить себя на обочине истории и цивилизации, но и на все посттоталитарные (психически «поврежденные») сообщества, к одному из которых принадлежим и мы с вами. И мы явно видим, как в российском обществе постепенно нарастает этническая напряженность, в том числе – «провоцируемая» состоянием титульного (русского) этноса, еще не преодолевшего свою историческую травму 1991 года (распад великого государства, утрату «необъятной Родины») и чувства национальной гордости, которое на протяжении веков определяло российскую ментальность). Было бы чрезвычайно недальновидно не замечать эту тенденцию и не предпринимать заблаговременно самых активных мер социальной терапии, так как подобные социальные феноменологии, как показывает исторический опыт, не имеют склонности «рассасываться» самостоятельно даже по истечении десятилетий и столетий.

Передача следующему поколению. Здесь я снова обращаюсь к работам уже упомянутого вначале Вамика Волкана, в частности, к его недавней статье («Травматизированные общества», 2003). Волкан обращает внимание на то, что при исследованиях национальных аффектов и массовых психических травм (нанесенных враждебной группой), особое значение приобретают механизмы передачи следующему поколению.

В процессе обследования бывших узников концлагерей (после 2-ой Мировой войны), в том числе детей, было установлено, что от родителей детям передается нечто большее, чем просто тревожность или другие аффекты депрессивного или маниакального характера.

Дети выживших (после общенациональных трагедий) гораздо глубже идентифицируются с родителями, и проявляют признаки и симптомы, относящиеся к прошлым психическим содержаниям их родителей и в целом – к прошлому (свидетелями которого они не были, и быть не могли). Эта концепция «идентификации» хорошо

известна как в психоанализе, так и за его пределами. Главное в этой концепции состоит в том, что подвергшиеся тяжелой психической травме взрослые могут «вложить» травматизированный образ себя в формирующуюся идентичность своих детей. В результате дети становятся носителями ущербного родительского образа, хотя этот образ может существенно варьировать в зависимости от сопутствующих экономических, социальных и прочих условий.

После массовой травмы (причиненной враждебной группой) сотни, тысячи или даже миллионы индивидов вкладывают свои травматизированные образы в детей, и в итоге возникаеткумулятивный эффект, который определяет психическое содержание идентичности большой группы. При этом все эти «вложенные образы» ассоциативно связаны с одним и тем же травматическим событием.

В итоге «общая задача» следующих поколений заключается в том, чтобы сохранить «память» о травме родителей, оплакать их утраты, отреагировать на их унижение или (если первое не удастся) – отомстить за них. Однако какие бы формы ни приобретало проявление памяти о травме в последующих поколениях (начиная от цивилизованных форм типа Холокоста до самых варварских), основной задачей остается сохранение ментального представления о травме предков, которое постоянно (на протяжении десятилетий и столетий) укрепляет особую идентичность той или иной большой группы.

Вамик Волкан назвал такие ментальные представления «избранной травмой» большой группы (как всем известно, преследование евреев было и до кошмара гитлеризма, но именно годы последней мировой войны стали такой «избранной травмой» всей нации). В ситуациях, когда большой (любой травмированной) группе угрожает новый этнический, национальный, экономический, политический или религиозный кризис, ее лидеры (интуитивно или осознанно, в общенациональных интересах, как они их понимают, иди даже в сугубо корыстных) обращаются именно к этой «избранной травме», обладающей особым потенциалом для достижения эмоциональной консолидации (намного более мощной, чем идейная). Обращаясь к специфике современной России, следует отметить, что здесь явно присутствует парадоксальная ситуация, ибо и общенациональная травма (1991 года), и пути ее преодоления связаны «одним вектором». Неудачи современного демократического строительства

могут быть отчасти объяснены тем, что уже упомянутая общенациональная травма русского этноса (и всех, идентифицирующих себя с ним), была одним из результатов демократических преобразований. Таким образом, именно на лидирующую демократически ориентированную часть общества могут в первую очередь проецироваться идеи «враждебной группы». Эти идеи в равной степени могут проецироваться и на все этносы, не идентифицирующие себя с русским этносом. Не хочется упоминать конкретные «отдельные» случаи. При этом никакой социальной терапии в этом направлении не ведется, что может провоцировать последовательное усугубление ситуации, вплоть до «французского варианта» (и даже – «наоборот»).

Пример из «практики». В качестве «отдаленного» примера можно привести события в Югославии. В период нестабильности руководство страны (преимущественно сербское) начинает активно пропагандировать и эксплуатировать «память» о битве в Косово, пленении и убийстве мусульманами в процессе этой битвы легендарного сербского князя Лазаря. В результате боснийские мусульмане, с которыми сербы относительно мирно жили как единый народ Югославии на протяжении десятилетий, стали «виновниками» всех бед и «легитимной» мишенью ненависти сербов. Напомним, что битва в Косово состоялась 28 июня 1389 года! Через 600 лет после этой битвы, при поддержке официальных властей были эксгумированы останки легендарного сербского князя Лазаря, захваченного в плен и убитого при Косово. В течение года перед началом «сербско-боснийской» резни гроб перевозили из одной сербской деревни в другую, и в каждой происходило нечто вроде церемонии погребения.

Этот, казалось бы, безобидный «ритуал», многократно транслированный национальными СМИ, вызвал закономерный «сдвиг во времени»: национальные чувства сербов начали действовать таким образом, как если бы Лазарь был убит вчера. Произошло то, что в психоанализе обычно определяется как «сгущение» чувств и времени в сочетании с регрессом к более ранним (исторически более ранним) видам отреагирования. В итоге боснийские мусульмане, а затем и албанцы (также мусульмане) стали восприниматься как виновники всех исторических бед сербов, что «лигитимизировало» любые формы мести: сербы начали убивать, грабить, насиловать – практически с реальной средневековой жестокостью. Нам только кажется, что у нас нет аналогичных

примеров. Но было бы еще большей ошибкой считать, что пусть даже почти столетний опыт совместного рабства может полностью искоренить исторические предшествующие травмы и претензии. Не хочется апеллировать к более актуальным и болезненным для россиян примерам, но многие хорошо помнят «великую дружбу армянского и азербайджанского народов», «крепкую семью грузинского и осетинского этносов», «великое единство всех славян»... Поскольку эти проблемы принадлежат к сфере психического (и только психического), они могут на какой-то период времени (годы и даже десятилетия) подавляться соответствующим законодательством, господствующей идеологией или военным насилием, но все это будет за пределами их ментальной представленности и никак (во всяком случае – позитивно) не изменит их социально-психологическую сущность и содержание. Здесь нужны качественно иные подходы, и они есть, но не востребованы.

О трансляции криминального опыта. Завершая, я должен сказать, что ни в коей мере не пытаюсь прямо или косвенно (объяснительно) оправдать любые формы национальной нетерпимости или межнациональных конфликтов. Мной, как и большинством людей, они воспринимаются как отвратительные. Но было бы ошибкой не замечать, что это есть. И моя цель принципиально иная – понять истоки интолерантности и роста случаев террористических типов поведения в современном российском обществе, а также поиск путей, как мы можем лишить их психологической подпитки и социальной базы, из которой они последовательно черпают силы и сторонников.

Моя цель – чтобы те мальчики и девочки, которые родились только сегодня или вчера, или родятся завтра, к какой бы национальности или этносу они ни принадлежали, нашими общими усилиями могли быть ограждены от «трансляции» криминального и полукриминального опыта предшествующих поколений.

Мы знаем, что любая психическая травма имеет свою собственную историю, которая обязательно подвергается мифологизации и иррациональной трансформации. В любом случае это требует глубокого исследования, и современная психология может предложить более обоснованные подходы к этим проблемам.

О нашей обреченности. Главная идея состоит в том, что мы не можем предсказывать иррациональное и, таким образом, мы не можем искусственно (в том числе – законодательно)

сконструировать процесс примирения, также как и исключить «дремлющую патологию», которая все равно будет прорываться то там, то здесь. Примирение, которое не лишает ненависть ее исторических корней, всегда будет временным, а социальный мир, как результат насилия или принуждения, никогда не будет долгим. Но это не значит, что эти

проблемы неразрешимы – их пока просто даже не пытались решать, поскольку ко всему, что именуется психологическим по-прежнему сохраняется полупрезрительное отношение. Однако хотелось бы выразить уверенность, что в нашем далеко не простом мире мы обречены не на эскалацию конфронтации, а на диалог и понимание.